

ЗАГАДКИ

ТОМСКОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

НИКОЛАЯ КЛЮЕВА

из глубины

Приговоренный к пятилетней ссылке по постановлению коллегии Объединенного государственного политического управления при СНК СССР /ОГПУ/, Ключев был привезен в Томск не позднее 12 апреля 1934 года. Здесь и в Колпашеве он провел в общей сложности три года и шесть с половиной месяцев.

За это время поэт создал не одно произведение. Учитывая горький опыт ареста в Москве, он часть стихов, которые могли быть использованы против него, записывал лишь на время, пока не выучивал наизусть, а затем уничтожал записи. Об этом напоминал позднее Р.Менский, встречавшийся с ним в Колпашеве. 23 февраля 1936 года Ключев сообщал в письме В.Н.Горбачевой - жене поэта С.А.Клычкова: «Несмотря на бездомье и отсутствие уединения, сердце мое полно стихами. Правда все они не записаны, а хранятся в арсенале памяти и тихо радуют меня: видно, кое-что осталось и для меня в жизни». Очевидно, к такого рода незаписанным произведениям относилось и то, что он читал на последней томской квартире хозяйке и ее сыну, С.В.Балакину. Последний в апреле 1989 года привел из него по памяти Ю.А.Хардинову следующее двустишие:

«От Москвы до Аляски -
кулацкий обоз,
Сломанные косточки,
крови горсточки...»

Были у поэта и поверенные бумажки, сравнительно «безопасные» сочинения. Об этом можно судить по тому, что при аресте 23 марта 1936 года в Томске у него изъяли рукописи / как сообщает он сам, - «поэму и несколько стихов»/, однако обвинений в составлении и распространении контрреволюционных литературных произведений, как в Москве, против него не выдвигалось. К несчастью, сотрудники НКВД не сочли нужным сохранить изъятое, в том числе отобранные при втором томском аресте в 1937 году «рукопись-тетрадь Ключева: 4 листа, рукописи на отдельных листах: 6 штук».

Особое значение поэту приобретает единственное дошедшее до наших дней сибирское стихотворение Н.А.Ключева «Есть две страны. Одна - Больница...», приложенное к несохранившемуся письму поэта от 25 марта 1937 года к молодому московскому художнику А.Н.Яр-Кравченко.

Стихотворение таит немало загадок. Прежде всего: каково время его создания? Оно было написано в томской ссылке, предположительно в период с конца 1936 года, когда после освобождения из-под первого томс-

кого ареста поэт уже несколько оправился от тяжелых недугов, и к нему вернулась память, по 25 марта 1937 года.

Во-вторых, что такое «страны» Больница и Кладбище? Не было ли у них прообразов? А.И.Неженец пишет о более ранних произведениях Ключева - 1911 года, - что основным принципом раскрытия художественной темы в них по-прежнему остается наглядно-предметный. Автор начинает свое повествование с пластически выполненной пейзажной сценки, а затем частными штрихами вводит в нее свои мысли, переживания, эмоции, которые возникли у него под влиянием окружающей действительности. В.В.Ильина также отмечала по томским встречам с Ключевым, что поэтические образы нередко возникали у него из непосредственных встреч с предметами окружающей действительности: «Он умел открыть людям тот прекрасный мир, который видел вокруг себя. Помню, как-то нам было с ним по пути. Он часто останавливался перед елочкой, то перед какой-нибудь березкой, и говорило том, как расположены у них ветки, на что они похожи, получалась чуть ли не поэма... Как-то он сказал, глядя на валенки Ростислава Сергеевича с розовыми разводами, стоявшие на печке: «Для вас это валенки сушатся на печке, а для меня это целая поэма».

В поисках прообразов ключевских «стран» внимательно рассмотрим в наиболее близкий по времени к описываемым событиям план Томска 1932 года. Ключев писал В.Н.Горбачевой 25 октября 1935 года: «Какое здесь прекрасное кладбище - на высоком берегу Томи, березовая и пихтовая роща, много замечательных могил...» В той части города, где жил поэт, было только одно кладбище, точнее группа кладбищ, соседствовавших друг с другом и опоясанных с Иркутского тракта общей оградой. Это наиболее старое в Томске православное Вознесенское, старообрядческое, еврейское и католическое /польское/. Кладбище с прекрасными мраморными памятниками, храмом Вознесения Господня /1810г./ Русской Православной церкви было излюбленным местом прогулок Ключева. Идя к нему от своей квартиры по переулку Красного Пожарника, дом 12, находившейся приблизительно в 900 метров южнее кладбища, он примерно на половине пути обзат-

ельно пересекал улицу Больничную, где была расположена Заразная больница. /Строения ее также хорошо были известны поэту. Томичка Н.И.Геблер вспоминала, что он говорил ей: «Я - старообрядческой веры, хожу в свою церковь - близко от Заразной больницы»/. А в марте 1937 года, когда было написано письмо к А.Н. Яр-Кравченко, Ключев жил еще ближе к больнице и кладбищу - на соседней с Больничной улицей и параллельном ей Мариинском переулке, в доме 38. Возможно, что в это время, будучи тяжело больным гриппом /«все три последних месяца... не спал с постели»/, он не раз мысленно проделывал знакомый путь... Ощущение связи образов «стран» с действительностью усиливается, если обратить внимание на следующее. По рассказам старожилов у входа в Вознесенское кладбище стоял домик кладбищенского служителя. В стихотворении есть зарисовка, когда его лирический герой, певец олонечкой избы, «блуждая пасмурной опушкой», «обронил свою клюку» и постучался за помощью «в окно к гробовщику». Возможно, что здесь описан действительный или воображаемый случай, который произошел с поэтом. Сравним стих «блуждая пасмурной опушкой» и ответ гробовщика герою стихотворения: «Будь проклят, полуночный пес!» - с тем, что при аресте Ключева в 1936 году сотрудники НКВД ставили ему в вину «уединенные прогулки в сумерки за городом» /кладбище находилось на окраине Томска/... И так, наглядно-предметные и вместе с тем философски обобщенные образы стран Больницы и Кладбища были навеяны поэту находивши-

мися неподалеку от его дома хорошо ему знакомыми топографическими объектами Томска - Больничной улицей с Заразной больницей и Вознесенским кладбищем. /Заразная больница ныне - детская инфекционная больница им.Г.Е.Сибирцева по адресу ул.Больничная,8. Кладбища были варварски уничтожены в 1940-1950-е годы, когда на их месте строили здания завода «Томкабель», ныне производственное объединение «Сибкабель» по улице Пушкина,46/.

Неясным является и то, какие внешние обстоятельства вызвали у поэта, отбывшего уже более половины срока ссылки, предчувствие скорой неожиданной кончины. По ходу развития стихотворения Н.А.Ключев увидел в окне дома гробовщика «тетушку Могилу», ткущую ему «желтый саван» и услышал обращенные к нему слова: «В розовом апреле Оборван твой предсмертный плач!»

Думается, что в данном случае на него повлияла всеохватывающая идеологическая подготовка очередной волны устрашения и преследований, развернутая в стране в конце 1936 - начале 1937 года. Ключев, неомненно, знал о ней по передачам радио, которое был вынужден целыми днями слушать на квартире Кузнецовых, по материалам местных газет, читаемых, по крайней мере, время от времени, по разговорам хозяев и соседей. В августе-сентябре 1936 года Ключев жаловался Н.Ф.Христофоровой-Садомовой: «За досчатой заборкой от моей каморки - день и ночь идет современная симфония - пьянка, драка, проклятия, - рев бабий и ребячий, и все это перекрывает доблестное радио». В конце 1935 года Ключев пи-

сал ей же: «С болью сердца читаю иногда стихи фанерных знаменитостей в газетах...»

Содержание этой подготовки хорошо прослеживается по материалам газеты «Красное знамя» - в то время органа Томского горкома ВКП/б/, Горсовета и Горпрофсовета. Из них видно, что и в Советском Союзе, и в Томске неуклонно разворачивалась охота за действительными и мнимыми противниками коммунистической Империи. 6 января 1937 года сообщалось о собрании городского партийного актива, на котором «тов.Куравский, секретарь Томского горкома ВКП

б/ с особой решительностью и силой поставил перед партактивом задачу по дальнейшему выявлению оставшихся еще не разоблаченными последышей троцкистско-зиновьевских мерзавцев и правых оппортунистов - изменников и предателей...». С 21 января стали чуть ли не ежедневно печататься материалы о ходе следствия и судебных заседаний по делу т.н. троцкистского «парашюта» /«Земли ра»/ Ю.Л.Пятаков и другие/, передовые статьи и отклики на него. Заголовки передовых, местных и перепечатанных из «Правды», не оставляли повода для сомнений: «До конца уничтожить троцкистских гадов!», «Подлейшие из подлых!», «Выкорчевать до конца вредительские корни!» В феврале появляются заметки о деятельности «врагов» непосредственно в Томске и окрестных селах: А.Гретов - «Враги орудуют на заводе им.Рухимовича», Н.Прозоров - «Вражеская рука орудует в Томском депо», А.Уральский - «Враги колхозного строя».

Эта кампания вызывала чувство страха и неуверенности в завтрашнем дне у многих людей, никогда не

ИЗ ГЛУБИНЫ

привлекавшихся «органами». Что же говорить о ссыльном, пережившем за три года три ареста и всего лишь несколько месяцев назад - 4 июля 1936 года - освобожденном из тюрьмы в связи с приостановкой следственного дела. Все происшедшее и породило у Клюева мысли о скором отчете перед Богом. Почему поэт считал, что это произойдет в апреле? Строка о «розовом апреле» не была случайной. По-видимому, в сознании Клюева, православного христианина, бывшего в Томске прихожанином Троицкого единоверческого храма и водившего знакомство с единоверческими и православными священнослужителями, предчувствие близкого конца земных страданий и мысли о последующей загробной жизни связывались с приближающимся главным узлом событий, одновременно горестным и радостным, церковного годового круга времени - Пасхалией, включающей в себя Страстную Седмицу - время Страстей Господних и Пасху - Светлое Воскресение Христова. В 1937 году Страстная Седмица /понедельник-суббота накануне Пасхи/ приходилась по церковному календарю на 13-18 апреля /26 апреля - 1 мая по новому стилю/, а Пасха

бояться ее не надо, за ней - жизнь вечная - «Не бойся сава-на и волка, - За ними с лютней серафим!» Когда же это произойдет? Наверное, в то же время, когда принял муки смертные и воскрес из мертвых, смертью смерть поправ, сам Христос - «в розовом апреле». В размышлениях о предстоя-

поэта. Запущенный вскоре в очередной раз каток вселенских преследований и казней миновал и его. Через месяц после Пасхи, 5 июня 1937 года, он был арестован на квартире по Ачинской, 13 и после двух допросов, не признавший свою вину, приговорен «тройкой» Управления НКВД Но-

Наиболее вероятное место казни и упокоения отряда заключенных, в котором находился Клюев, - это пустырь, примыкавший к Вознесенскому кладбищу с северо-востока, и овраг, называемый с дореволюционных времен «Страшным рвом», примыкавший с севера-запада к тому же кладбищу - прообразу страны Кладбище из последнего стихотворения Поэта...

А.А. ФАНАСЬЕВ, кандидат исторических наук.

На снимках: Николай Клюев. Работа томского художника К.Г. Залозного. Особое спасибо Томскому областному художественному музею, чьей собственностью является картина. Фото К.Швачко. Вознесенское кладбище Томска. Колокольня храма и дорога к ней. Снимок начала XX века из собрания В.П. Домаевского. /«Страна Кладбище»/. Инфекционная больница им. Г.Е. Сибирцева. Томск. /«Страна Больница»/. Место, где было Вознесенское кладбище. Фото В.И. Николаева.

- на 19 апреля /2 мая/. То есть ход мыслей поэта мог быть таким: «демоны чумы, проказы и холеры» /выражение из клюевской «Разрухи» 1934 года/ готовят новые казни православных; на этот раз гибели не избежать. Но

щей кончине Клюев остался самим собой. Первой посмертной «песенкой» его души в горнем мире должны были стать простые и искренние слова признания любви к Родине: «Люблю тебя, Рассея, Страна грачиных озимей!» Предчувствие не обмануло

восиберской области к расстрелу по обвинению в принадлежности к никогда не существовавшей кадетско-монархической повстанческой организации «Союз спасения России». Приговор приведен в исполнение чекистами в Томске 23-25 октября 1937 года.

Н. КЛЮЕВ. Завещание

xxx
Есть две страны, одна -
Больница,
Другая - Кладбище, меж них
Печальных сосен вереница,
Угрюмых пихт и верб седых!

Блуждая пасмурной опушкой,
Я обронил свою клюку,
И заунывно кукушкой
Стучусь в окно к гробовщику:

«Ку-ку! Откройте двери,
люди!»
«Будь проклят, полуночный
лес!
Куда ты в глиняном сосуде
Несешь зарю апрельских
роз?!

Весна погибла, в космы сосен
Вплетает вьюга седины...
Но, слыша скрежет ткацких
кросен
Тянусь к зловещему окну.

И вижу: тетушка Могила
Ткет желтый саван, и челнок,
Мелкая птицей чернокры-
лой,
Рождает ткань, как мерность
строк.

В вершинах пляска ветродуев,
Под хрип волчицной трубы
Читаю нити :»Н.А.Клюев, -
Певец олонцевской избы!»

Я умер! Господи, ужели?!
Но где же койка, добрый врач?
И слышу: «В розовом апреле
Оборван твой предсмертный
плач!

Вот почему в кувшине розы,
И сам ты - мальчик в синем
льне!..
Скрипят житейские обозы
В далекой брэнной стороне.

К ним нет возвратного
проселка,
Там мрак, изгнание, Нарым.
Не бойся сава-на и волка, -
За ними с лютней серафим!»

«Приди, дитя мое, приди!» -
Запела лютня неземная,
И сердце птичкой из груди
Перепорхнуло в кущи рая.

И первой песенкой моей,
где брачной чашею лился,
Была: «Люблю тебя, Рассея,
Страна грачиных озимей!»

И ангел вторил: «Буди, буди!
Благословен родной овсень!
Его, как розаны в сосуде,
Блюдет Христос на Онный
День!»

1937 г.